

О.В. Миллер

Воспоминания современников М.Ю. Лермонтова в изучении жизни и творчества поэта¹

Аннотация: В статье представлен обзор наиболее значимых мемуарных источников, относящихся к разным периода жизни и творчества М.Ю. Лермонтова – начиная от его обучения в Московском благородном пансионе до первых сообщений о смерти поэта. Воспоминания или высказывания современников, содержащие оценку личности или творчества Лермонтова, помещены в историко-литературный контекст, который позволяет оценить их достоверность. Значительное внимание уделено эпизодам биографии Лермонтова, получившим неоднозначную трактовку у современников и последующих поколений исследователей; в частности, это истории с повестью В.А. Соллогуба «Большой свет», событиями, приведшими к дуэли Лермонтова с Н.С. Мартыновым. В статье дана оценка важнейшим исследованиям жизни и творчества Лермонтова начиная со второй половины XIX в. до последнего времени.

Ключевые слова: Лермонтов, мемуары современников, историко-литературный контекст, исследования жизни и творчества Лермонтова

Abstract: The article provides an survey of the most significant memoirs by Mikhail Lermontov's contemporaries, referring to different periods of his life and creative work. Memories or statements of contemporaries, containing an appraisal of the poet's personality or his works are embedded into historical and literary context which allows to estimate their credibility. A considerable attention is paid to those episodes of Lermontov's biography, that received controversial interpretation of both his contemporaries and later generations of scholars (for example, factual sources of V.A.Sollogub's short story «Great world»; the events that brought to Lermontov's duel with N.S.Martynov and a few others). The most prominent published works on Lermontov's life and his creation work from the second half of the XIX century until recently are considered in the article.

Key words: Lermontov, memoirs of contemporaries, historical and literary context, studies of the Lermontov's life and work

При изучении жизненного и творческого пути писателя для исследователя главное значение имеют три основных источника: это документы, воспоминания современников и произведения самого писателя. Каждый из этих источников

¹ Статья написана при поддержке гранта РГНФ №15-04-00498.

имеет свои особенности, требует своих подходов для введения в научный оборот. Каждый из них нельзя рассматривать в отрыве от других, и достоверный результат можно получить, только привлекая и сопоставляя эти данные.

Что касается мемуаров, то здесь положение особенно сложное, так как, прежде всего, требуется рассмотрение личности автора, времени написания, взаимосвязи с воспоминаниями других лиц и, конечно, с данными документов.

Особенность и ценность воспоминаний в том, что помимо биографических фактов они могут рассказать о таких подробностях жизни писателя, которые нельзя почерпнуть из другого источника, как-то: о его отношениях с окружающими, об особенностях характера, о привычках, наружности и многом другом.

Большая часть воспоминаний о Лермонтове была написана через много лет после его смерти, и невольные ошибки памяти могли внести свои коррективы. Несмотря на всё возрастающее признание поэта, современники не сразу после его гибели стали предавать бумаге то, чему были свидетелями. Политика властей была такова, что даже упоминания о том, что поэт был убит на дуэли, долго не могли проникнуть в печать. Первое сообщение о гибели Лермонтова А.С. Андреевского заключалось в нескольких следующих словах: «15 июля, около пяти часов вечера, разразилась ужасная буря с молнией и громом; в это самое время между горами Машук и Бештау скончался лечившийся в Пятигорске М.Ю. Лермонтов» [1].

Но постепенно, сначала как бы под прикрытием статей о его творчестве, воспоминания о поэте стали эпизодически появляться в печати. Еще при жизни Лермонтова В.С. Межевич, журналист и литературный критик, в своей статье о стихотворениях Лермонтова писал об участии поэта в рукописных литературных журналах, выпускавшихся учащимися Московского благородного пансиона, и о его переводах из Томаса Мура [2]. О пребывании Лермонтова в пансионе есть очень содержательные и значимые воспоминания, которые были опубликованы гораздо позднее. Это, прежде всего, статья А.М. Миклашевского «Михаил Юрьевич Лермонтов в заметках его товарища» [3], где кроме характеристики преподавателей и соучеников по пансиону есть воспоминания о Школе гвардейских подпрапорщиков; затем воспоминания Алексея Зиновьевича Зиновьева, преподавателя Московского университетского благородного пансиона [4], который готовил Лермонтова к поступлению и затем руководил его занятиями, оказав влияние на литературные интересы своего подопечного. В воспоминаниях соученика поэта по пансиону Д.А. Милютина [5] обрисован литературный кругозор учащихся, сведения о рукописных литературных журналах, в которых участвовал Лермонтов, а также эпизод посещения пансиона Николаем I. О литературных интересах поэта пансионского периода писал также А.П. Шан-Гирей: «Он [Лермонтов] учился примерно. <...> Тут я в первый раз увидел русские стихи у Мишеля: Ломоносова, Державина, Дмитриева, Озерова, Батюшкова, Крылова, Жуковского, Козлова и Пушкина» [6].

Университетским годам посвящены воспоминания П.Ф. Вистенгофа [7] и Г.Ф. Головачева [8], но оба эти мемуариста передают только внешнее впечатление о поэте, невнимание его к лекциям, отчужденность от соучеников.

Таким образом, воспоминания о московских годах учения Лермонтова появлялись в печати в течение многих лет, так что А.М. Меринский в 1858 г. не случайно начал свою публикацию словами: «Нередко приходится слышать от любителей русской литературы сетования о том, что в печати так мало сообщено биографических сведений о поэте» [9: 86]. Товарищ Лермонтова по юнкерской школе дважды

печатал воспоминания о поэте: в 1858 и 1872 гг. Помимо сведений о самой Школе, о товарищах, командирах, внимательный и доброжелательно настроенный Меринский чутко уловил особенности характера поэта. «В юнкерской школе, – писал он, – Лермонтов был хорош со всеми товарищами, хотя некоторые из них не очень любили его за то, что он преследовал их своими остротами и насмешками за всё ложное, натянутое и неестественное, чего никак не мог переносить» [10: 1]. Мемуарист точно подметил, отчего происходили эти, столь часто потом упоминавшиеся в воспоминаниях о Лермонтове, насмешки, чем они были вызваны, а также то, что они были направлены на тех, с кем он был особенно дружен.

Немногие обратили внимание на вышедшую в 1861 г. в Тифлисе книгу «Кавказ. Путешествие Александра Дюма», а в описание своего путешествия Дюма включил письмо к нему графини Е.П. Ростопчиной о Лермонтове. Она, по существу, изложила всю его биографию, причем не только внешние события, иногда не точные в ее изложении, но всегда живо рассказанные. Тесное их знакомство относится ко времени последнего приезда поэта в Петербург. «Три месяца, – писала она, – проведенные тогда Лермонтовым в столице, были, как я полагаю, самые счастливые и самые блестящие в его жизни. Отлично принятый в свете, любимый и балованный в кругу близких, он утром сочинял какие-нибудь прелестные стихи и приходил к нам вечером их читать. Веселое расположение духа проснулось в нём опять в этой дружественной обстановке» [16: 363]. По сравнению с этими живыми словами чуткой женщины, многочисленные упоминания о Лермонтове, о лицах, с которыми он встречался, и различных эпизодах его жизни в письмах С.Н. Карамзиной к Е.Н. Мещерской [12: 343–369] кажутся сухими, скользкими по поверхности, несмотря на самые теплые чувства Карамзиной к поэту, признание его гениальности и готовности ее доказывать это всем окружающим.

Внимательные глаза Ростопчиной подсказали ей очень точные слова в отношении наружности Лермонтова: «Он был дурен собой, и эта некрасивость, уступившая впоследствии силе выражения, почти исчезнувшая, когда гениальность преобразила простые черты его лица, была поразительна в юные годы» [16: 358]. Письмо Ростопчиной было перепечатано в 1882 и 1889 гг.

Проникновением в самую суть творческой личности Лермонтова отличается высказывание В.Г. Белинского, основанное на личном общении с поэтом: «Лермонтов немного написал – бесконечно меньше того, сколько позволял ему его громадный талант, – писал критик в своей статье о «Герое нашего времени», – беспечный характер, пылкая молодость, жадная впечатлений бытия, самый род жизни, – отвлекали его от мирных кабинетных занятий, от уединенной думы, столь любезной музам; но уже кипучая натура его начала устаиваться, в душе пробуждалась жажда труда и деятельности, а орлиный взор спокойнее стал вглядываться в глубь жизни. Уже затевал он в уме, утомленном суетою жизни, создания зрелые; он сам говорил нам, что замыслил написать романтическую трилогию, три романа из трех эпох жизни русского общества (века Екатерины II, Александра I и настоящего времени), имеющие между собою связь и некоторое единство» [13: 5].

Воспоминания о Лермонтове известного писателя 1830–1840 гг. Владимира Александровича Соллогуба привлекли внимание читателей откровенным признанием, что его повесть «Большой свет» написана с целью изобразить «светское значение Лермонтова» и по заказу великой княгини Марии Николаевны. Воспоминания Соллогуба были опубликованы в 1865 г., в «Русском архиве», а затем,

уже после смерти автора, в 1886 г., в «Историческом вестнике», и в 1887 отдельным изданием. Мемуарист познакомился с Лермонтовым в 1839 г. у Карамзиных и неизменно поддерживал внешне дружеские отношения, но его воспоминания требуют критического подхода. П.А. Висковатов, который дважды говорил с ним о Лермонтове, пришел к категорическому заключению: «Соллогуб лично не любил Лермонтова» [14: 326]. Высоко оценивая его дарование, он в то же время неизменно делает оговорку, которая как-то снижает Лермонтова. Чего стоит такое высказывание: «Лермонтов, несмотря на громадное его дарование, почитал себя не чем иным как любителем, и, так сказать, шалил литературой» [16: 346]. И это о поэте, который рано осознал свое высокое признание. Или: «В нём высказывались с каждым днем новые залогов необыкновенной будущности: чувства становились глубже, форма – ярче, пластичнее, язык самобытнее <...>. В нём следует оплакивать не столько того, кого мы знали, сколько того, кого мы могли бы знать» [16: 346]. Подтекст ясен: Лермонтов не состоялся, не успел. О личности поэта Соллогуб высказывается так: «Лермонтов, с которым я находился сиздавна в самых товарищеских отношениях, хотя и происходил от хорошей русской дворянской семьи, не принадлежал, однако, по рождению к квинтэссенции петербургского общества, но он его любил, бредил им, хотя и подсмеивался над ним, как все мы грешные... К тому же в то время он страстно был влюблен в графиню Мусину-Пушкину и следовал за нею всюду как тень» [16: 347]. Эти строки, по существу, содержат сюжет его повести «Большой свет», написанной в конце 1839 г. и опубликованной в «Отечественных записках» в следующем году. В этой повести поэт выведен под именем Михаила Леонина, жалкого, бедного, наивного армейца, мечтающего попасть в большой свет несмотря на презрение, которое он там встречает. Висковатов прямо писал, что в этой повести особенно рельефно выразилась зависть Соллогуба к Лермонтову. «Поэт завоевал себе, – писал он, – там <в высшем свете> положение, держался с некоторыми из ряда выходившими людьми, как семьи князя Одоевского и Карамзиных, да прекрасными женщинами, “царицами салонов”, но про него, как про Пушкина, говорили, что сел он не в свои сани, и видели в нём дерзкого выскочку, который, несмотря на небольшой чин и опальное свое положение, тщится играть роль, которую играть ему не подобает» [14: 399]. Ходили сплетни, что поэт надоедает Столыпину-Монго, «он прицепился ко льву гостиных и на хвосте его проникает в высший круг» [14: 371]. Квинтэссенцию этих сплетен Соллогуб и представил в своей повести. Он нашел слабые места, «болезненные точки» положения Лермонтова. Если в 1840 и в последний приезд поэта в Петербург в 1841 г. Лермонтов был принят в великосветском обществе, его приглашали на балы, где бывал двор, то в 1839 г. его светские успехи расценивались довольно низко. Умная и образованная представительница этого самого общества, А.Д. Блудова, писала: «Лермонтов с странным смешением самолюбия не совсем ловкого светского человека и скромности даровитого поэта, неумолимо строгий в оценке своих стихов, взыскательный до крайности к собственному таланту и гордый весьма посредственными успехами в гостиных» [16: 566–568]. В отношении материального состояния Лермонтова тоже были разные взгляды. Так, Е.А. Верещагина в одном из писем дочери жаловалась, что Елизавета Алексеевна «всё думает, что Мишу женят, всё ловят. Он ездил в карусели с Карамзиными. Но это не Катя Сушкова. Эта компания ловит или богатых, или чиновных, а Миша для них беден. Что такое 20 тысяч его доходу?» [16: 245]

Конечно, Лермонтов был не так беден, как Леонин в повести Соллогуба, – но в повести нужно было максимально унижить героя.

Лермонтов не мог не узнать себя в Леонине и, разумеется, был оскорблен. Но высказать обиду, порвать дружеские отношения, тем более вызвать Соллогуба к барьеру – значило бы привлечь всеобщее внимание и к повести «Большой свет», и к сходству с главным его героем. Лермонтов поступил умнее. Он сделал вид, что это произведение не имеет к нему никакого отношения. Вероятно, о своей линии поведения он уведомил (или намекнул ему) А.А. Краевского, который напечатал повесть, и Белинского, высоко эту повесть оценившему. В письме к В.П. Боткину от 14–15 марта 1840 г. он писал: «В № 3 “Отечественных записок” славная повесть Соллогуба: чудесный беллетристический талант» [13: 4]. А в ответ Боткину, который в недошедшем до нас письме, видимо, высказал мнение, что в повести Лермонтов представлен в оскорбительном виде, критик возражал: «К повести Соллогуба ты чересчур строг: прекрасная беллетристическая повесть – вот и всё». И тут же замечает: «Лермонтов думает так же» [13: 54]. По всей вероятности, это был намек, какой линии поведения в отношении Соллогуба решено было придерживаться.

Как Пушкин писал:

Приятно дерзкой эпиграммой
Взбесить оплошного врага.
Приятно зреть, как он, упрямо
Склонив бодливые рога
Невольно в зеркало глядится
И узнавать себя боится.
Приятней, если он, друзья,
Завоет сдуру: это я!

Лермонтов не попался в эту ловушку.

Внешне не изменившееся отношение Лермонтова к Соллогубу и отзывы Белинского обманули некоторых лермонтоведов и заставили их пересмотреть укрепившееся в XIX в. мнение об этой повести как о пасквиле. Прежде всего, в 1958 г. П.С. Рейфман в статье «Стихотворение Лермонтова “Как часто пестрою толпою окружен...” и повесть Соллогуба “Большой свет”» [26] утверждал, что ничего обидного в Леонине для Лермонтова нет. Несмотря на такие формулировки, как «Леонин был человек слишком ничтожным, чтобы обратить на себя внимание света» и некоторые другие. И.С. Чистова в предисловии к изданию повестей и воспоминаний Соллогуба писала: «Со временем “Большой свет” приобрел репутацию пасквиля; между тем репутация эта <...> в общем лишена оснований. Начнем с того, что Леонин в “Большом свете” изображен с нескрываемым сочувствием; трудно предположить, что Соллогуб не знал, что так памфлет не пишут» [27: 6].

Да, не так Соллогуб был прост, чтобы нарисовать героя черными красками, приписать ему преступный образ мыслей, представить его этакой демонической личностью. Это был бы грубый, откровенный выпад, который вызвал бы всеобщее осуждение. Соллогуб был хитрее. Его герой доверчивый, наивный, даже совестливый и способный на благородный поступок, но он жалок в своих несбыточных мечтах, в своих необоснованных притязаниях проникнуть в светское общество, в своей бедности в конце концов. Его единственная родственница – бабушка (как и

у Лермонтова!) – показана такой дряхлой и жалкой, что уж если бы не за себя, то за Елизавету Алексеевну поэт должен был оскорбиться.

В книге «Лермонтов в Петербурге» авторы, В.А. Мануйлов и Л.Н. Назарова, высказались о повести Соллогуба так: «Сам Соллогуб, говоря в своих воспоминаниях об этой повести, нигде не отмечает ее пасквильного характера <...>» [17: 180].

Соллогуб, возможно, приезжал к Лермонтову на гауптвахту, ибо на копии стихотворения «Журналист, читатель и писатель» имеется надпись его рукой: «С.-Петербург. 20 <или 21, или 28> марта 1840. Под арестом на Арсенальной гаубтвахте». Вероятность встречи Лермонтова и Соллогуба на гауптвахте весьма велика, так как в это время вышел номер «Отечественных записок» с повестью «Большой свет», и Соллогуб спешил поделиться событием.

Из воспоминаний Соллогуба можно было бы сделать вывод, что дружеские отношения его с поэтом со временем только укреплялись, но это вызывает большое сомнение. Вряд ли Лермонтов не чувствовал фальши в доброжелательном к нему чувстве и даже, если верить воспоминаниям, заботе – например, совете немедленно покинуть бал, где поэт возбуждает негодование великого князя Михаила Павловича. Висковатому он рассказывал, что поэт в вихре вальса избегал встречи с Михаилом Павловичем, который пытался вызвать его на объяснение (на балу! – очень сомнительно), а затем был выведен хозяйкой через внутренние покои. Кстати, непонятно, зачем Лермонтову было уходить черным ходом, если великий князь его уже видел, а графиня «взяла всю ответственность на себя, говорила, что она сама зазвала поэта».

Во всяком случае, этот рассказ противоречит эпизоду из печатных воспоминаний, где Соллогуб пишет, что в конце этого вечера, уже после ужина, беседовал с Лермонтовым, и тот предлагал после его возвращения с Кавказа вместе издавать журнал. А.А. Краевский свидетельствовал, что Лермонтов много говорил о планах издания журнала, но очень сомнительно, что он собирался издавать его вместе с Соллогубом.

Положение в исследованиях биографии Лермонтова кардинально изменилось с появлением книги П.А. Висковатова «Михаил Юрьевич Лермонтов: жизнь и творчество» [14]. Своему труду автор посвятил десять лет упорной изыскательской работы. Исследование всех доступных к тому времени архивов, тщательное изучение публикаций в печати, поездки в поисках сведений о Лермонтове «от берегов Волги до Западной Европы, от Петербурга до Кавказа» и, конечно, беседы с современниками, встречавшимися с поэтом, и записи их рассказов. Помимо уже опубликованных воспоминаний, в книге Висковатова впервые появились свидетельства Е.Д. Лопухиной, Л.В. Россильона, М.А. Назимова, А.М. Веневитиной, П.Х. Граббе и некоторых других. Много беседовал Висковатов и с Акимом Павловичем Шан-Гиреем, к которому специально приезжал в Пятигорск и читал ему законченные главы своей книги.

Несмотря на то, что в дальнейшем были обнаружены многие материалы, которых Висковатов не мог знать, и даже несмотря на то, что, поверив Вяземскому, он написал о знакомстве поэта с Оммер де Гелль и поездке Лермонтова с ней в Крым, а увлекшись разговорами с князем Васильчиковым, повторил невероятные его рассказы о «шалостях» Лермонтова, книга Висковатова остается ценнейшим источником для изучения биографии поэта, и собранные в ней воспоминания играют в этом первостепенную роль.

Уже через год после выхода книги Висковатова в свет появилась еще одна значительная работа, также во многом основанная на мемуарных источниках. Это обширная статья П.К. Мартьянова «Последние дни жизни поэта М.Ю. Лермонтова», а также «Новые сведения о М.Ю. Лермонтове» [18]. П.К. Мартьянов побывал в Пятигорске в 1870 г. Он исследовал места, связанные с пребыванием там Лермонтова, посетил домик, где поэт жил летом 1841 г., и, главное, много общался и записывал рассказы еще живших там современников Лермонтова. Особенно много сведений он получил от В.И. Чиляева, хозяина дома, в котором жил поэт. Он провел Мартьянова по этому домику, рассказал о расположении внутренней обстановки, об образе жизни поэта в эти месяцы, а также передал несколько собственноручных заметок «Об обстоятельствах, предшествовавших и сопровождавших дуэль Лермонтова с Мартыновым».

Часть полученных Мартьяновым сведений была тогда же напечатана в десятом номере журнала «Всемирный труд» за 1870 г. Причем надо отметить, что напечатана была лишь малая часть. Мартьянов сослался на то, что редакция не согласилась публиковать материал полностью, поскольку еще были живы Н.С. Мартынов и А.И. Васильчиков. Но это представляется не совсем убедительным. В последующих публикациях – сначала в «Историческом вестнике», а затем в книге «Дела и люди века» [18], значительно расширенных, – есть эпизоды, которые в 1870 г. не могли никого задеть. Некоторый оттенок сомнения в документальности своих сведений вносит и сам автор, вводя в текст очень живо и эмоционально нарисованные эпизоды с репликами и диалогами персонажей, как, например, сцена представления Лермонтова и Столыпина коменданту Пятигорска В.И. Ильяшенкову. Мартьянов ссылается на того же Чиляева, которого в 1893 г. уж не было в живых, да и в кабинете Ильяшенкова он тогда не присутствовал. Кроме Столыпина, Лермонтова и Ильяшенкова там был только плац-адъютант А.Г. Сидери. С В.И. Чиляевым, который тогда и предложил им квартиру в своем флигеле, приехавшие встретились по окончании аудиенции в канцелярии.

Такова же и сцена за обедом в Шотландке, где Лермонтов якобы рассказывал нелепую фантастическую историю о предстоящей битве с «гигантом-Мартышкой», также изложенную в форме диалога с описанием жестов и выражений лиц Лермонтова и Екатерины Быховец. Кто мог слышать и видеть всё это так обстоятельно и потом рассказать Чиляеву? Неужто Глебов после гибели поэта? Да и история получения Лермонтовым бандо противоречит рассказу в письме Быховец. По-видимому, это всё лишь беллетристические украшения Мартьянова.

Достоверность же письма Быховец многократно подвергалась сомнению с самого момента опубликования. В последнее время настойчиво писали об этом Е.Н. Рябов и Д.А. Алексеев [37: 246–273]. Обоснованные возражения были неоднократно высказаны В.А. Захаровым в статье «Письмо Катеньки Быховец» [20: 444–462], где приводится также письмо Эммы Григорьевны Герштейн с детальными доводами в пользу подлинности письма Быховец.

Впрочем, это не должно ставить под сомнение многие ценнейшие факты, полученные Мартьяновым из первых рук от современников событий. Только от Чиляева известно о повседневной жизни поэта, об отношении к нему друзей и слуг, о распорядке дня, о привычках – вплоть до гастрономических вкусов. Естественно, хозяину дома всё это было хорошо известно, так же как и о пристрастии Лермонтова к бешеной скачке на своем лихом скакуне Черкесе. Но сообщение о том, что цель головоломной джигитовки по степи – выработать из себя лихого

наездника-джигита, – вероятно, домысел Чиляева, ибо побудительные причины могли быть известны только самому Лермонтову. Вряд ли Лермонтов делился с Чиляевым своими сокровенными мыслями. А вот об участии поэта в карточных играх Чиляев мог судить, ибо сам присутствовал на вечере у Лермонтова, когда метали банк: «Лермонтов тоже играл, но редко, с соблюдением известного расчета, и выше определенной для проигрыша нормы не зарывался». Рассуждения Чиляева о характере и личности поэта представляются не особенно значительными; его наблюдения о лицах из ближайшего окружения Лермонтова более интересны, поскольку передают впечатление о тех, кто сталкивался с ними впервые. Чиляев дает характеристики А.А. Столыпину, М.П. Глебову, А.И.Васильчикову, а также Верзилиным и Мерлини, в чьих домах бывал Лермонтов.

О Васильчикове Чиляев отзывается резко, обвиняя того в подстрекательстве к дуэли: «Он сумел подстрекнуть Мартынова обуздать человека, соперничавшего с ним за обладание красавицей, раздуть вспышку и, несмотря на старания прочих товарищей к примирению, довести соперников до дуэли, уничтожить “выскачку и задиру” и после его смерти прикинуться и числиться одним из лучших его друзей. От него самого я слышал, – говорил В.И. Чиляев, – такого рода отзыв о поэте: “Мишеля, что бы там ни говорили, а поставить в рамки следует!”» [18: 76].

В записках Чиляева сохранились пятигорские экспромты Лермонтова.

Мартьянов в своей книге постоянно вступает в полемику с Висковатовым. Он решительно отвергает рассуждения своего оппонента о расслоении пятигорского общества, иногда вносит уточнения. Например, кроме лиц, присутствовавших 13 июля на вечере у Верзилиных, названных Висковатовым, Мартьянов перечисляет еще пятерых и добавляет: «В биографии Лермонтова (см.: [14: 397]. – *О.М.*) Висковатов говорит, что Раевский редко бывал у Верзилиных. Напротив, это был самый частый гость и свой человек в доме Верзилиных. Он жил у них и прежде <...>, в 1839 году, и после дуэли и, наконец, в 1842 г. сопровождал их, когда они отправились к Петру Семеновичу в Варшаву» [18: 78]. Кстати, ошибку Висковатова, который считал, что в 1841 г. Верзилин находился в Пятигорске, Мартьянов также отметил [18: 69].

О письме Е. Быхолец, которое Висковатов нашел интересным, Мартьянов отозвался очень пренебрежительно: «Это какое-то птичье чириканье» [18: 93]. Он решительно отказывал в достоверности воспоминаниям П.И. Магденко и К.И. Карпова, использованным в книге Висковатова.

Воспоминания ремонтера Борисоглебского уланского полка П.И. Магденко (1818–1884) с кратким предисловием Висковатова были опубликованы в 1879 г. в «Русской старине» [28]. Его рассказ о встрече с Лермонтовым и А.А. Столыпиным при подъезде к Георгиевску и затем в Георгиевске вызвал в свое время и продолжает вызывать сомнения в его достоверности. Первым выступил с возражениями П.К. Мартьянов: «...допуская встречу Магденко с Лермонтовым и Столыпиным и совместный их приезд в Пятигорск, я отвергаю всё то, что он рассказывает о решении их ехать самовольно вместо отряда на воды, принятом после будто бы бросания монеты на орла» [18: 58]. Мартьянова возмутило подозрение, что Лермонтов мог уклониться от исполнения приказа высшего начальства. Кроме того, он ошибочно считал, что разрешение лечиться в Пятигорске было уже получено в Ставрополе. Без ссылки на документы он писал: «Оставшись в Ставрополе, Лермонтов исхлопотал свидетельство о болезни и просил начальника штаба, флигель-адъютанта Траскина разрешить ему лечиться в Пятигорске, на что и последовало

разрешение» [18: 39]. Если бы такой документ Лермонтов имел, никакой необходимости бросать монету не было бы. По воспоминаниям Чилиева выходит, что Лермонтов со Столыпным по приезде явились к коменданту уже со свидетельствами о болезни, но они приехали в Пятигорск 13 мая, а к коменданту явились 24-го. 24 мая 1841 г. комендант Пятигорска В.И. Ильяшенков отправил А.С. Траскину два рапорта за № 805 и № 806, с приложением свидетельств о болезни Лермонтова и Столыпина, с просьбой разрешить им остаться в Пятигорске для лечения. Отсюда выходит, что разрешения Траскина не было. Тогда возможно, что полторы недели ушли на получение свидетельств о болезни. Однако самый яркий эпизод рассказа Магденко о брошенной монете находит неожиданное подтверждение. В письме А.А. Кикина, человека недалекого и крайне негативно относившегося к поэту, эпизод гадания с помощью монеты также излагается [16: 604]. Еще одно подтверждение достоверности рассказа Магденко, который, со слов станционного зрителя, упомянул недавний несчастный случай с проезжим унтер-офицером, находим в разысканиях С.И. Недумова. В «Ведомости о происшествиях за первую половину мая 1841 года» он обнаружил такой рапорт полиции: «С 10-го по 11-е число сего мая месяца, в 12 часов ночи, за Подкумком, саженьях в десяти, неизвестные люди – три человека, как полагать можно горские хищники или бежавшие из Бабуковского аула казаки из татар, напав на ночевавших отставного унтер-офицера Боброва и казенных крестьян Воронежской губернии Богучарского уезда Дениса и Федора Васильченковых, первого убили, а последних изранили кинжалами» [19: 69].

Существует и много других неясных вопросов. 10 мая Лермонтов получил подорожную № 709 «по казенной надобности» «от города Ставрополя до крепости Темир-Хан-Шура Тенгинского пехотного полка». Там же было указано, что «поручику Лермонтову следует давать по две лошади с проводником». Подорожная подписана начальником Кавказской области генерал-адъютантом Граббе. Но Магденко говорит о подорожной на двоих...

Ю.Н. Беличенко [30], подробно исследовавший воспоминания Магденко, замечает, что описание дороги от Ставрополя до Георгиевска не соответствует действительности. Эта дорога ровная, уклоны и балки встречаются, но не такой крутизны, чтобы подкладывать камни под колеса или чтобы была вероятность сломать ось. К тому же ни панорамы Кавказского хребта, ни Казбека, которыми восхищался Магденко, на этом участке дороги еще не видно. Поэтому Беличенко высказал предположение, что первая встреча с Лермонтовым и Столыпным произошла не в Ставрополе, а в каком-то другом городе, например в Моздоке. В этом случае все противоречия, связанные с дорогой, устраняются.

Против маршрута, предложенного Беличенко, категорически возражает В.А. Захаров [20: 69–70]. Если бы путники оказались в Моздоке, это значило бы, что они сделали ничем не оправданный крюк. К тому же на подорожной Лермонтова нет отметки о пребывании в Моздоке. Между прочим, такой отметки в Георгиевске тоже сделано не было. Таким образом, вопросы еще остаются.

В частности, непонятно, что это за одетые по-восточному слуги Лермонтова и Столыпина. Магденко еще называет их «дюжими татарами». У Лермонтова были в Пятигорске двое крепостных – кучер и камердинер. Мог ли Лермонтов нарядить их по-восточному и снабдить шашками и кинжалами? Вероятно, и у Столыпина был камердинер. Может, они были наняты, чтобы в дороге управлять лошадьми

и охранять багаж, тогда почему они были так рады, что господа едут на воды? В полку, вероятно, от их услуг всё равно бы отказались.

Д.А. Алексеев, посвятивший многие страницы своего исследования биографии и родословной П.И. Магденко, сделал следующее заключение: «Вопрос о *достоверности* воспоминаний Магденко, о времени и обстоятельствах его встречи с Лермонтовым и Столыпиным в Георгиевске и совместном приезде в Пятигорск остается открытым и нуждается в дополнительных изысканиях в архиве “Русской старины”» [21: 241].

Возвращаясь к вопросу о достоверности рассказа Магденко, Дмитрий Алексеев в следующей статье добавил сведения о Нагорничевском, которого встретил Магденко и который действительно находился в это время в Ставрополе. Что касается записи Лермонтова в книге, подаренной В.Ф. Одоевским, «19 мая – буря», она не имеет отношения к дождю во время пути Лермонтова, Столыпина и Магденко в Пятигорск. 19 мая они были уже в Пятигорске [22: 210–215].

Таким образом, из рассеянных по разным источникам воспоминаний уже в какой-то степени складывалось представление о личности Лермонтова и его жизненном пути. Но загадкой по-прежнему оставались последние месяцы жизни Лермонтова и его гибель. Всё настойчивей слышалось желание публики услышать рассказ еще оставшихся в живых участников трагических событий 1841 г.

В приложении к публикации воспоминаний Е.А. Сушковой-Хвостовой издатель журнала «Русская старина» писал: «Николай Соломонович Мартынов, которого судьба повергла в величайшее несчастье быть убийцею Лермонтова, жив; почему бы господину Мартынову не изложить в подробном и откровенном рассказе всю историю злополучных отношений к Лермонтову? Искренность исповеди иссушила бы, до некоторой степени, то несчастье, в которое г. Мартынов был, как говорят, почти против воли вовлечен; к сожалению, однако, г. Мартынов не считает возможным поведать русскому обществу ту драму, которая лишила Россию одного из ее лучших украшений» [31: XI]. В ответном письме Н.С. Мартынов писал: «...я уже считаю себя не вправе вымолвить хотя бы единое слово в его [Лермонтова] осуждение, набросить малейшую тень на его память; принять же всю нравственную ответственность этого несчастного события на себя одного, – я не в силах». Звучит очень благородно, но не подтверждается поведением Мартынова. На деле он не упускал случая бросить тень на память Лермонтова в разговорах со знакомыми и случайными спутниками. Так, некоему Бетлингу он рассказал о крупном объяснении с поэтом, а «приятели раздули ссору». Мартынов рассказал, что Лермонтов, «держа пистолет с места на полном прицеле, медленно продвигался к барьеру». Не знал Мартынов, сколько мемуаристов подтверждали, что Лермонтов с самого начала говорил, что стрелять не будет и не целил в противника (см. воспоминания Э.А. Шан-Гирей со слов Глебова, Н.Ф. Туровского, П.Т. Полеводина, А.Я. Булгакова, К.К. Любомирского, А.И. Васильчикова).

И, конечно, как только история дуэли стала проясняться, естественно возник вопрос о ее причине. Какие-то неуместные шутки привели к поединку со смертельным исходом. На вопрос следственной комиссии: «Какая причина была поводом к этой дуэли; не происходило ли между Вами и покойным Лермонтовым ссоры или вражды, с какого времени она возникла?» – Мартынов отвечал: «С самого приезда своего в Пятигорск Лермонтов не пропускал ни одного случая, где бы мог он сказать мне что-нибудь не так приятное. Остроты, колкости, насмешки на мой счет, одним словом, всё, чем можно только досадить человеку, не касаясь

до его чести» и т. д. [32: 418]. Впоследствии Мартынов понял, что такая причина для выстрела на поражение звучит как отягчающее обстоятельство, и стал придумывать другие версии.

В опубликованных Э.Г. Герштейн воспоминаниях Ф.Ф. Маурера передается рассказ Мартынова: «Обиднее всего то, что все на свете думают, что дуэль моя с Лермонтовым состоялась из-за какой-то пустячной ссоры на вечере у Верзилиных. Между тем это не так. Я не сердился на Лермонтова за его шутки... Нет, поводом к раздору послужило то обстоятельство, что Лермонтов распечатал письмо, посланное с ним моей сестрой для передачи мне. Поверьте также, что я не хотел убить великого поэта: ведь я даже не умел стрелять из пистолета, и только несчастной случайности нужно приписать роковой выстрел» [23: 276]. Мартынов, видимо, забыл, что он говорил на суде, или думал, что никто читать эти документы не будет. Неумение стрелять, конечно, было ложью. У него даже была характерная привычка держать пистолет, что он называл «стрелять по-французски», а версия вскрытого письма распространилась и оказалась очень живучей. См. воспоминания А.Ф. Тирана, Е.С. Ржевской и др. Современные авторы тоже подхватили эту версию: см. статьи Д. Радышевского и Е.В. Робустовой [24].

Даже после того как Э.Г. Герштейн, в своей книге [23] методично разобравшись в путанице с письмами Мартыновых, которую, по-видимому, намеренно создал князь Оболенский, доказала, что после пропажи злополучного письма, видимо выяснив это недоразумение, Лермонтова радушно принимали у Мартыновых, – современный автор, всё-таки, допускает, что Лермонтов вскрыл доверенный ему пакет: «Если исходить из пушкинской посылки о человеческой небезгрешности творца, пока его не призовет “к священной жертве Аполлон”, не такой уж недопустимой представляется мысль, что в какой-то миг Лермонтов поддался искушению проникнуть в тайные помыслы симпатичных ему молодых очаровательных женщин. Всё же остальное – следствие мгновенного эмоционального порыва» [25: 90].

Потомки Мартынова за рубежом продолжают муссировать тему вскрытого письма и дополняют ее рассказом о том, что Лермонтов в Пятигорске разглашал семейные тайны, о которых узнал из вскрытого письма.

Доктор из Ярославля Н.В. Пирожков также передавал со слов Мартынова историю о якобы распечатанном письме. Как ни странно, лермонтоведы не обратили внимания на одно свидетельство Мартынова: «От одного из отставших офицеров, не пожелавшего, впрочем, предавать имени своего гласности, я узнал, – сообщал Мартынов, – что бывший московский полицмейстер, генерал-майор Николай Ильич Огарев, под начальством которого он служил когда-то, со слов Н.С. Мартынова рассказывал ему, что натолкнул Мартынова на мысль о дуэли из-за сестры один из жандармских офицеров, находившихся в Пятигорске в 1841 г., во время производства следствия по делу о его дуэли с Лермонтовым, который в таком смысле донес тогда о причинах дуэли генералу Дубельту... относительно получения от Лермонтова 300 рублей он говорил Огареву, что денег ему Лермонтов не навязывал, а только заявил о пропаже пакета. Когда же он сказал ему, основываясь на письме сестры, что в пакете были деньги 300 рублей, Лермонтов переспросил его: – сколько?.. 300 рублей?.. и на утвердительный кивок головою тотчас заплакал с извинениями о случившемся» [18: 147].

Версия о том, что поводом к дуэли послужило оскорбление Лермонтовым сестры Мартынова, распространилась в обществе – хотя и не самим Мартыновым, но

его знакомыми и потомками. То утверждали, что Наталия Соломоновна послужила прототипом Княжны Мери, то, если это не особенно оскорбительно, – Веры, то рассказывали, что она была влюблена в Лермонтова, а он не женился. Эти слухи опошлялись, принимая самую нелепую форму. Так, в дневнике воспитанника училища правоведения А.П. Смольянинова вызов рисуется так: Лермонтов «прямо адресуется к Мартынову с вопросом, читал ли он “Героя нашего времени”. “Читал”, – был ответ. – “А знаешь с кого я списал портрет Веры?” – “Нет”. – “Это твоя сестра”» [16: 456]. Одним словом, если кто и компрометировал Н.С. Мартынова, то именно приспешники Николая Соломоновича.

Сам Мартынов принимался за свои воспоминания два раза, но до дуэли и даже преддуэльных дней так и не дошел. В своих «Отрывках из автобиографических записок» (1870), опубликованных его сыном, автор только описывает наружность поэта, подчеркивая и утрируя его недостатки, и лукаво сообщает, что Лермонтов «не мог быть красив на лошади, потому что он никогда за хорошего ездока в школе не слыл, и на ординарцы его не посылали» [16: 489]. Но историк лейб-гвардии Гродненского гусарского полка Ю.Л. Елец со слов М.И. Цейдлера утверждал обратное: «В служебном отношении поэт был всегда исправен, а ездил настолько хорошо, что еще в школе назначался на ординарцы. Недостатки его фигуры совсем исчезали на коне» [33: 207]. Другой отрывок, «Моя исповедь», также был остановлен в самом начале. Про Лермонтова, отдавая дань его уму и блестящему таланту (в 1870-е гг. оспаривать эти качества Лермонтова было бы уже глупо), он рассказал только о школьных проделках поэта.

Сам Мартынов указал М.И. Семевскому на князя А.И. Васильчикова как на того, кто мог бы как свидетель рассказать о его дуэли с Лермонтовым. Васильчикову ничего не оставалось, как принять этот вызов, после того как Семевский опубликовал свою переписку с Мартыновым. Поэтому в 1872 г. он опубликовал в «Русском архиве» свою версию под заглавием «Несколько слов о кончине М.Ю. Лермонтова и о дуэли его с Н.С. Мартыновым» [34: 206]. Поскольку это единственный подробный рассказ о дуэли свидетеля событий, он, несомненно, заслуживает пристального внимания. Сам Васильчиков в начале публикации объявил, что он должен «сказать несколько слов в ответ на неточные и пристрастные отзывы», но сам он не был, как видим, ни точен, ни беспристрастен. Оставим здесь без внимания допущенные автором неточности. Конечно, Лермонтов и Глебов приехали в Пятигорск не после сражения при Валерике и не в июне, как было в рукописи, и не в июле, как появилось в публикации, а в мае, и поселились не в одном доме, а по соседству. И комендантом был не Верзилин, а Ильяшенков. Все это произвольные ошибки памяти.

Для начала Васильчиков рассказывает о шаловливых выходках поэта. Вероятно, нужно было сразу представить Лермонтова в неприглядном виде. Эти рассказы вызывают большое сомнение. Так, он сообщает, что Лермонтов за обедом «опустошал всё кушанье и оставлял всех нас без обеда». По свидетельству Чиляева, Лермонтов обедал дома. Обед готовился из четырех-пяти блюд по заказу Столыпина. К обеду приходило несколько человек приятелей и знакомых. Так-таки Лермонтов оставлял их всех голодными? А история о том, что поэт съел половину бочонка свежепросоленных огурцов, а другую половину рассовал по карманам, представляется совсем уж невероятной, но Висковатов еще и повторил эту нелепость в своей книге.

Но всё это не относится к самому существенному. Вот как Васильчиков передает сцену вызова: «Знаю только, что, выходя из дома (Верзилиных. – *О.М.*) на улицу, Мартынов подошел к Лермонтову и сказал ему очень тихим и ровным голосом по-французски: “Вы знаете, Лермонтов, что я очень часто терпел Ваши шутки, но я не люблю, чтобы их повторяли при дамах”, – на что Лермонтов таким же спокойным тоном отвечал: “А если не любите, то потребуйте у меня удовлетворения”».

Отвечая на вопрос следственной комиссии: «Кто из дуэлянтов прежде сделал вызов на дуэль?» – Васильчиков показал: «Формальный вызов был сделан Мартыновым. Майор Мартынов при мне подошел к поручику Лермонтову и просил его не повторять насмешки для него обидные, сей последний отвечал, что он не вправе запретить ему говорить и смеяться, что, впрочем, если он обижен, то может его вызвать и что он всегда готов к удовлетворению» [32: 422–423].

Следователи сочли нужным уточнить, кто присутствовал при вызове: «Чей именно этот частный дом, где Вы находились с покойным Лермонтовым на вечере и кто такие были гости, пошедшие вперед?» На вторую часть вопроса Мартынов ответил: «Шедшие же впереди нас были корнет Глебов и князь Васильчиков» [32: 423]. Мартынов, вернувшись домой, рассказал Глебову о вызове. Впоследствии эта сцена передавалась многими мемуаристами, но в любом случае это уже была мартыновско-васильчиковская редакция. Н.И. Лорер передает сцену вызова так: «Мартынов сказал, что найдет средство заставить молчать обидчика <...>. Лермонтов <...> отвечал, что угроз ничьих не боится, а поведения своего не переменит» [16: 400]. Э.А. Шан-Гирей писала, что, когда Мартынов повторил свое требование прекратить шутки при дамах, Лермонтов спросил: «Что ж, на дуэль, что ли, вызовешь меня за это?» Мартынов ответил решительно «Да».

Эта же сцена у В.И. Чилиева в передаче П.К. Мартынова представлена так: «Выходя из дому Верзилиных, он бесцеремонно остановил Лермонтова за руку и, возвысив голос, резко спросил его: “Долго ли ты будешь издеваться надо мною в особенности в присутствии дам?.. Я должен предупредить тебя, Лермонтов, – прибавил он, – что если ты не перестанешь насмехаться, то я тебя заставлю перестать”, – и он сделал выразительный жест.

Лермонтов рассмеялся и, продолжая идти, спросил: “Что же ты, обиделся, что ли?” – “Да, конечно, обиделся”. – “Ну так не хочешь ли требовать удовлетворения?” – “Почему и не так...” – Тут Лермонтов перебил его словами: “Меня изумляет и твоя выходка и твой тон... Впрочем, ты знаешь, вызовом меня испугать нельзя, я от дуэли не откажусь... хочешь драться – будем драться”. “– Конечно, хочу, – отвечал Мартынов, – и потому разговор этот можешь считать вызовом”» [18: 82–83].

Таким образом, неизменно ответ Лермонтова во всех версиях звучит так, что он сам наталкивает Мартынова на вызов. Именно это подчеркивал и Мартынов в своем ответе на вопрос судной комиссии: «Я сказал ему, что я прежде просил его прекратить эти несносные для меня шутки, но что теперь предупреждаю, что если он еще раз вздумает выбрать меня предметом для своей остроты, то я заставляю его перестать. Он не давал мне кончить и повторял раз сряду, что ему тон моей проповеди не нравится, что я не могу запретить ему говорить про меня то, что он хочет, и в довершение сказал мне: “Вместо пустых угроз, ты гораздо лучше бы сделал, если бы действовал. Ты знаешь, что я от дуэлей никогда не отказываюсь, следовательно, ты никого этим не испугаешь”».

Но есть и другая версия. 17 июля полковник А.С. Траскин написал письмо П.Х. Грабе, в котором описывает дуэль Лермонтова по свежим следам, видимо, после разговора с секундантами. Там о вызове сказано так: «Мартынов сказал ему, что заставит его замолчать; Лермонтов ему ответил, что не боится угроз и готов дать ему удовлетворение, если он считает себя оскорбленным» [16: 444]. Лермонтов ни в коем случае не напрашивается на вызов. Этот оттенок был придан в дальнейшем. На суде Мартынов уже заявил, что он объяснил Глебову, «что, в сущности, не я вызываю, но меня вызывают». В этом и была цель переосмысления разговора его с Лермонтовым. М.П. Глебов на суде показал, что Мартынов, «считая себя обиженным, не может взять своего вызова назад, упираясь на слова Лермонтова, который сам намекал ему о требовании удовлетворения» [32: 421].

Кстати, на суде Васильчиков показал, что вызов Мартынова был сделан при нём, а Мартынов – что Глебов и Васильчиков «уже были впереди» [32: 419]. А поскольку Глебов узнал о произошедшем от Мартынова, то, по всей вероятности, и Васильчиков слышать этого не мог.

Васильчиков уверял, что они с Глебовым усиленно уговаривали друзей помириться. О том же писали и Мартынову перед судом, чтобы он также непременно об этом сказал. Мартынов это исполнил, но в дальнейшем утверждал, что секунданты «раздули ссору». Бетлинг так передает рассказ Мартынова: «Ко мне на гауптвахту приходили секунданты и просили показать на следствии, что они принимали все меры к нашему примирению. Я ответил им, что для суда я покажу это, но для частных лиц буду говорить, как было на самом деле, т. е. что ссору раздули». Посетить Мартынова в остроге (а не на гауптвахте), конечно, никто не мог, а переписку с ним секунданты вели. Глебов, в частности, писал: «Скажи, что мы тебя уговаривали с начала и до конца, что ты не соглашался, говоря, что ты Лермонтова предупреждал тому три недели...».

«Мы отмерили с Глебовым тридцать шагов; последний барьер поставили на десяти...» Эти тридцать шагов запомнились многим мемуаристам, например Н.П. Раевскому, который писал, как трудно попасть из пистолета в 30-ти шагах. Но расстояние между барьерами было десять шагов. На суде они показали «15», так же сообщили и Траскину, которого уверили, что расстояние было ими увеличено до двадцати. Далее Васильчиков отмечает очень важную подробность: «Лермонтов остался неподвижен и, взведя курок, поднял пистолет дулом вверх, заслоняясь рукой и локтем по всем правилам опытного дуэлиста». Этому можно верить – зачем Лермонтову было приближаться к противнику, если он не собирался стрелять. На суде Васильчиков показал: «по данному знаку гг. дуэлисты начали сходитьсь; дойдя до барьера оба стали». Нужно было дать понять, что Мартынов мог в любую минуту ожидать выстрела Лермонтова. Так, Бетлинг, основываясь на рассказе Мартынова, излагал дело так: «Он (Лермонтов. – *О.М.*), оборотясь к Мартынову вполне правым боком, держа пистолет с места на полном прицеле, медленно подвигался к барьеру, так что Мартынов мог ожидать выстрела мгновенно, даже с первого подходного шага своего к барьеру. Дойдя до пункта и начав наводить пистолет, Мартынов удивился, почему не стреляет Лермонтов, так как, наведя уже пистолет с самого начала дуэли, оставалось ему только нажать. Мартынов несколько задержал выстрел. Лермонтов, приостанавливаясь на ходу, продолжал тихо в меня целить... Я вспыхнул. Ни секундантами, ни дуэлью не шутят... и спустил курок» [32: 303].

Васильчиков пишет: «Мартынов быстрыми шагами подошел к барьеру». В разговоре с Семевским в 1870 или 1871 г. Васильчиков уточнил некоторые детали. Заметки, которые Семевский скорописью сделал со слов Васильчикова, носящие отрывочный характер, были расшифрованы и опубликованы М.Ф. Дамианиди и Е. Рябовым. Из этих заметок мы узнаем подтверждение тому, что Лермонтов стрелять не собирался, но в них неожиданно утверждается, что и Мартынов стрелять не будет. Столыпин-Монго скомандовал три раза. Мартынов *побежал* к барьеру, долго целил, и потому Трубецкой закричал: «Стреляйте! Стреляйте!» [20: 326].

Васильчиков упорно упоминает о присутствии Столыпина-Монго и Трубецкого во время дуэли. Это несомненная попытка разделить ответственность с другими лицами. В иных источниках говорится, что командовал Глебов, а кто крикнул: «Стреляйте, или я разведу вас!» – не ясно. Скорее всего, это тоже был Глебов (см.: Чилияев). Чаще эти слова приписываются Столыпину, но Васильчикову надо было упомянуть и Трубецкого. Возможно, Столыпин и Трубецкой (или с ними Дорохов; Висковатов замечает, что Васильчиков избегает упоминаний о Дорохове) действительно стояли около Лермонтова, когда Васильчиков вернулся после безуспешных попыток найти доктора и экипаж.

Далее встает очень запутанный вопрос о присутствии на дуэли Столыпина и Трубецкого. По сведениям Мартьянова, полученным от Чилияева, когда было условлено о месте и времени дуэли, Глебов написал записку Столыпину. Посланный, не застав того, отдал записку Х. Саникидзе, который положил ее Столыпину на стол, где она, непрочитанная, так и пролежала до вечера. Столыпин поехал поздравить В.С. Голицына с именинами и остался у него обедать. С.В. Трубецкой также был у Голицына, и там было получено известие о дуэли и смерти Лермонтова. Такова версия, изложенная в статье П.Х. Мартьянова [18: 89–90].

Эмма Григорьевна Герштейн считала, что они просто опоздали. «Создается впечатление, – писала она, – что на месте поединка, кроме Глебова и Васильчикова, из секундантов никого не оказалось, и участники тут же перегруппировались. Оттого и получилось, что Глебов был секундантом и Мартынова и Лермонтова, так же как и Васильчиков. Каким же образом это могло случиться? Вероятно, Столыпин, Трубецкой и Дорохов <...> на какие-нибудь минуты не успели к месту встречи. Принимая во внимание внезапно поднявшуюся бурю, это вполне объяснимо» [23: 296].

«Более вероятно, что Глебов сообщил о времени дуэли находившемуся в Пятигорске Столыпину и, забрав того из дома князя Голицына, выехал вместе с ним к Лермонтову», – считает В.А. Захаров [20: 311]. Это как будто подтверждается воспоминаниями А.И. Арнольди, который по пути в Железноводск встретил Столыпина и Глебова на беговых дрожках. Глебов действительно приехал на беговых дрожках, а о Столыпине в судебной комиссии решено было не упоминать. А вот дальше Арнольди пишет, что затем встретил Лермонтова с Дмитревским тоже на дрожках. Это существенно расходится с другими сведениями. Лермонтов приехал на условленное место верхом. И как мог с ним ехать Дмитревский? Он же не был на дуэли. Э.А. Шан-Гирей рассказывала, что он пришел к ним, когда началась гроза.

К мнению Герштейн активно присоединяется Ю. Беличенко. Он считает, что Столыпин с Трубецким добрались до Перкальской скалы, «когда простреленный насмерть Лермонтов лежал на земле, а сделавший свое дело и напуганный этим Мартынов, бросив второпях черкеску и, быть может, раненого, сбежал на своих беговых дрожках, а князь отправился в Пятигорск на бесполезные уже поиски

доктора, оставив с умирающим поэтом одного Глебова. Именно такими обстоятельствами можно объяснить согласие секундантов поэта на то, чтобы их имена не упоминались на следствии. В ином случае они должны были поступить как Столыпин после дуэли Лермонтова с Барантом. Правда, здесь есть существенное обстоятельство: Лермонтов в своем объяснении о дуэли с Барантом не назвал своего секунданта, и если бы он и далее не хотел его назвать, это могло бы сильно ухудшить его положение.

Но здесь трудно увязывается это предположение с последующими обстоятельствами: если секунданты Лермонтова приехали с опозданием, почему же они уехали вслед за Мартыновым и Васильчиковым, а Глебов остался один и, как он потом признавался, не выдержал, прикрыл Лермонтова своей шинелью и поскакал в Пятигорск к В.И. Ильяшенкову (воспоминания Н.П. Раевского) [18: 424]. Необходимо отметить, что присутствие Столыпина и Трубецкого на дуэли отмечается только Васильчиковым и теми мемуаристами, которые опираются на его рассказ о событиях. Он приписывает Столыпину отброшенную шапку, означавшую барьер, а Раевский считает, что это сделал сам Васильчиков. Восклицание одного из секундантов «Стреляйте, или я вас разведу» он тоже приписывает Столыпину. А Чилиев считает, что это был Глебов. И если А.И. Арнольди вспоминал: «А. Столыпин, как я тогда же слышал, сказал Мартынову: *Allez vous en, votre affaire est faite*» (Уходите, Ваше дело сделано. – с франц.), – когда тот после выстрела бросился к распростертому Лермонтову» [16: 274]. Эта эффектная сцена, скорее всего, восходит к рассказу Васильчикова, которому важно было лишний раз упомянуть об участии Столыпина в дуэли. Цель ясна – разделить ответственность за содеянное с секундантами Лермонтова.

«Мартынов уехал прямо к коменданту объявить о дуэли», – пишет Васильчиков. Мартынов на суде показал, что он поехал домой и послал человека за своей черкеской, оставшейся на месте дуэли, чтобы в ней явиться к коменданту (хотя его белая черкеска наверняка промокла и испачкалась), а о дуэли коменданту сообщил Глебов, чему есть документальное подтверждение. Таким образом, Васильчиков в своих воспоминаниях не только исказил факты, но и скрыл, что Мартынов стрелял после команды «три» (стрелять полагалось только между командами «два» и «три»), а также условие трех выстрелов. И, самое главное, не сказал о том, что Лермонтов стрелять отказался. Траскину секунданты это сказали – они тогда еще не подготовили выгодную для них версию.

«По предварительному нашему приглашению присутствовать при дуэли, доктора, к которым мы обращались, все наотрез отказались», – уверяет Васильчиков. П.А. Висковатов по этому поводу замечает: «Докторов не было не потому, чтобы, как это сообщается некоторыми, никто не хотел ехать, а потому опять, что как-то дуэли не придавали особого значения» [14: 423].

Бартенев, которого Мартынов называет приятелем и почитателем Мартынова, вычеркнул из статьи Васильчикова следующий абзац: «Другое дело, и об этом не смею судить, нужно ли было непременно убить человека за такую пустую ссору и метить ему в сердце для отмщения обиды не предумышленной. Это повторяем другое дело...». Изымая эти слова, Бартенев хотел защитить Мартынова, а Васильчикову надо было разделить ответственность за убийство поэта, поэтому он старался в какой-то мере отделить себя от Мартынова.

Таким образом, несмотря на многие мемуарные свидетельства и документальные данные, в изучении этого трагического события остается много неясных мо-

ментов. Может быть, Столыпин с Трубецким опоздали не на несколько минут, а узнали о произошедшем в доме Голицына и прискакали на место дуэли уже после того, как Мартынов и Васильчиков уехали в Пятигорск, а Глебов, просидевший долгое время со сраженным Лермонтовым, не выдержал, накрыл его шинелью и уехал в Пятигорск к коменданту. Их и застал Васильчиков, вернувшись из напрасных поисков врача и экипажа.

Никак не проясняется вопрос об участии Дорохова и присутствии его на дуэли. О нем неоднократно упоминает Э.А. Шан-Гирей, а Васильчиков упорно упоминать не хотел.

Итак, только сопоставление данных различных мемуарных свидетельств и документов может прояснить картину событий в доступной степени. Задача собрать и осмыслить весь комплекс воспоминаний о Лермонтове ставилась неоднократно. Если в 1860 г. С.С. Дудышкин собрал крайне скудные сведения для своих «Материалов для биографии и литературной оценки Лермонтова», что понятно, учитывая степень изученности его в те годы, а также допустил некоторые ошибки (в частности, сообщил, что Лермонтов был уволен из университета из-за «маловской истории» [36]), то через десять лет положение изменилось. М.И. Семевский, переиздавая воспоминания Е.А. Сушковой [31], в приложении поместил воспоминания А.М. Меринского, М.Н. Лонгинова, И.И. Панаева, Ф. Боденштедта, документы о первой и второй дуэлях, а также описание лермонтовских памятных мест.

В полном собрании сочинений М.Ю. Лермонтова 1913 г. (издание Императорской Академии наук) его редактор Д.И. Абрамович поместил в пятом томе «Обзор источников для биографии». В обзоре воспоминания о поэте расположены в хронологии биографических событий с критическими отзывами, появившимися в печати, и в некоторых случаях с пространными цитатами. Сам составитель выражает критическое отношение к формулярным спискам Лермонтова, а также к отчету Тенгинского пехотного полка за 1841 г. Осторожно он относится к воспоминаниям В.А. Соллогуба, «вертопраха и хвастуна» по выражению А.О. Смирновой. Очень сомнительными Абрамович считает воспоминания В.И. Чилиева, и еще большее недоверие вызывают у него воспоминания К.И. Карпова.

Следующим этапом в этом направлении стала «Книга о Лермонтове», составленная В.А. Мануйловым, но вышедшая под именем П.Е. Щёголева [38].

В распоряжении современных исследователей имеются сборники «Лермонтов в воспоминаниях современников»: первый выпуск был издан в 1960 г. в Пензе, а следующие два – в издательстве «Художественная литература» в 1964 и в 1972 гг. Эти издания подготовлены В.А. Мануйловым и М.И. Гиллельсоном. Над следующим изданием, вышедшим уже после кончины Виктора Андрониковича Мануйлова, в 1989 г., работали М.И. Гиллельсон и О.В. Миллер. Все издания снабжены подробными комментариями, а также указателями имен и произведений Лермонтова.

В 2015 г. лермонтоведы получили самый полный на сегодняшний день свод мемуарных, эпистолярных и документальных свидетельств о Лермонтове в 2-х томах, изданный Д.А. Алексеевым [32]. Здесь представлены 250 авторов, а также архивные документы. Комментирование текстов Алексеев не ставил своей задачей. Их отсутствие в некоторой степени заменяет подробно разработанный указатель имен, в котором, к сожалению, отсутствуют номера страниц, где упомянуты персоналии. Следует отметить, что многие сведения из приведенных в указателе ранее были неизвестны.

Таким образом, очередной задачей в области изучения мемуаров о поэте следует считать расширенное комментированное их издание с необходимым справочным аппаратом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Одесский вестник. 1841. № 63. 6 авг.
2. Северная пчела. 1840. № 281. 12 декаб. С. 1121–1122.
3. Русская старина. 1884. № 12. С. 589–592.
4. Литературный архив. Т. 1. М.; Л., 1938. С. 426–431.
5. М.Ю. Лермонтов. Статьи и материалы. М.: Соцэкгиз, 1939. С. 7–13.
6. Русское обозрение. 1890. № 8. С. 14.
7. Исторический вестник. 1884. № 5. С. 329–353.
8. День. 1863. № 42. 19 окт. С. 6–7.
9. Атены. 1858. № 49.
10. Русский мир. 1872. № 205. 10 авг. С. 1.
11. *Дюма А.* Кавказ: Путешествие Александра Дюма / Пер. с фр. П. Роборовского. Вып. 1–2. Тифлис: Тип. Гл. упр. наместника Кавк., 1861. 712 с.
12. М.Ю. Лермонтов. Исследования и материалы. Л.: Наука, 1979. 431 с.; илл.
13. Отечественные записки. 1841. № 9. С. 6.
14. *Висковатый П.А.* Михаил Юрьевич Лермонтов. Жизнь и творчество // Сочинения М.Ю. Лермонтова: В 6 т. / Под. ред П.А. Висковатого. Т. 6. М.: Издание В.Ф. Рихтера, 1891. 6, 454, 24, [1] с.
15. *Белинский В.Г.* Собр. соч.: В 9 т. М.: Художественная литература, 1976–1982.
16. М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М.: Художественная литература, 1989. 672 с.
17. *Мануйлов В.А., Назарова Л.Н.* Лермонтов в Петербурге. Лениздат, 1984. 224 с.; ил.
18. *Мартыанов П.К.* Дела и люди века: Отрывки из старой записной книжки, статьи и заметки: В 3 т. Т. 2. СПб.: тип. Р.Р. Голике, 1893. [4], 375 с.
19. *Николева М.Ф.* Дата приезда Лермонтова в Пятигорск в 1841 г. // Лермонтов: Временник государственного музея «Домик Лермонтова» / [Отв. ред. Е.И. Яковкина]. Ч. 1. Пятигорск, 1947. С. 68–69.
20. *Захаров В.А.* Дуэль и смерть поручика Лермонтова. Последний год поэта. СПб.: Вита нова, 2014. 554, [2] с., XXXII с. цв. ил.
21. Вопросы биографии М.Ю. Лермонтова: научно-публикаторский журнал. М.; Воронеж, 2006. № 1. 304 с.
22. Вопросы биографии М.Ю. Лермонтова: научно-публикаторский журнал. М.; Воронеж, 2007. № 2. 294 с.
23. *Герштейн Э.Г.* Судьба Лермонтова. 2-е изд., испр. и доп. М.: Художественная литература, 1986. 351 с.
24. *Радышевский Д.* Новая версия смерти Лермонтова // Московские новости. 1995. 5–12 февр. С. 12; *Робустова Е.В.* Причина дуэли или повод к убийству: мнение об обстоятельствах гибели М.Ю. Лермонтова // Лермонтовское наследие в самосознании XXI столетия. Пенза, 2004. С. 131–134.

25. *Очман А.В.* Меж двух огней: Трагедия под Машуком. Пятигорск: Спецпечать, 2006. 222 с.
26. Литература в школе. 1958. № 3. С. 94–95.
27. *Соллогуб В.А.* Повести. Воспоминания. Л.: Художественная литература, 1988. 719 с.
28. Русская старина. 1879. № 3. С. 525–530.
29. Русская старина. 1896. № 2. С. 316.
30. *Беличенко Ю.Н.* Лета Лермонтова: Документальное повествование о биографии великого поэта, ее загадках и темных местах. М.: Московские учебники и Картолитография, 2001. 352 с.
31. *Хвостова (Суикова) Е.А.* Записки. 1812–1841: Материалы для биограф. поэта М.Ю. Лермонтова. 2-е изд., с знач. против 1-го изд., напеч. в «Вестн. Европы» 1869 г., доп. и прил. СПб.: печ. Головина, 1870 [обл. 1871]. XVI, 259 с.; 20.
32. М.Ю. Лермонтов. Полное собрание воспоминаний современников: [полное собрание свидетельств о М. Ю. Лермонтове в воспоминаниях, документах и письмах современников]: В 2 т. / [Сост., подгот., вступ. ст. и подгот. текста Д.А. Алексеева]. Т. 2. М.: Древлехранилище, 2015. 495 с.
33. *Елец Ю.Л.* История Лейб-гвардии Гродненского гусарского полка. 1824–1896: В 2 т. Т. 1. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1890. 514 с.
34. Русский архив. 1872, № 1. С. 205–2013.
35. Ученые записки Северо-Осетинского гос. пед. института. Т. II(XV). Вып. 1. Орджоникидзе, 1940.
36. *Лермонтов М.Ю.* Сочинения, приведенные в порядок и дополненные С.С. Дудышкиным. Т. 2. СПб., 1860. С. V–XXII.
37. Дуэль Лермонтова с Мартыновым: Три судных дела 1841 г. / [сост. Е.Н. Рябов, Д.А. Алексеев]. М.: Журн. «Вопросы биографии М.Ю. Лермонтова», 2006. 92 с.: табл. (Приложение к журналу «Вопросы биографии М. Ю. Лермонтова»)
38. *Щёголев П.Е.* Лермонтов: Воспоминания. Письма. Дневники... М.: Аграф, 1999. 525 с.

REFERENCES

1. Odessky Vestnik. 1841. No 63. August 6.
2. Severnaya Pchela. 1840. No 281. December 12, pp. 1121–1122.
3. Russkaya Starina. 1884. No 12, pp. 589–592.
4. Literaturny Arkhiv. Vol. 1. Moscow; Leningrad. 1938, pp. 426–431.
5. M.Yu. Lermontov. Articles and Materials. Moscow. 1939, pp. 7–13.
6. Russkoe Obozrenie. 1890. No 8, p. 14.
7. Istorichesky Vestnik. 1884. No 5, pp. 329–353.
8. Den'. 1863. No 42. October 19, pp. 6–7.
9. Ateney. 1858. No 49.
10. Russky Mir. 1872. No 205. August 10, p. 1.
11. Dumas A. Caucasus: Journey of Alexandre Dumas / Translation by P. Roborovsky. Vols. 1–2. Tiflis. 1861. 712 p.
12. M.Yu. Lermontov. Studies and Materials. Leningrad. Nauka Publ. 1979. 431 p.; ill.

13. Otechestvennyye Zapiski. 1841. No 9, pp. 6.
14. Viskovaty P.A. Mikhail Yurjevich Lermontov. His Life and Works. In: Works of M.Yu. Lermontov: In 6 vols. / Ed. P.A. Viskovaty. Vol. 6. Moscow. 1891. 6, 454, 24, [1] p.
15. *Belinsky V.G.* Collected Works.: In 9 vols. Moscow. Khudozhestvennaya Literatura. 1976–1982.
16. M.Yu. Lermontov in the Memoirs of Contemporaries. Moscow. Khudozhestvennaya Literatura. 1989. 672 p.
17. Manuylov V.A., Nazarova L.N. Lermontov in Petersburg. Lenizdat Publ. 1984. 224 p.; ill.
18. Martyanov P.K. Affairs and People of the Century: Excerpts from an Old Notebook, Papers and Notes: In 3 vols. Vol. 2. St.-Peterburg. 1893. [4], 375 p.
19. Nikoleva M.F. The Date of Lermontov's Arrival in Pyatigorsk in 1841. In: Lermontov: Vremennik [Annals] of the State Museum «Lermontov's Lodge» / [Ed. Ye.I. Yakovkin]. Ch. 1. Pyatigorsk. 1947, pp. 68–69.
20. Zakharov V.A. Duel and the Death of Poruchik Lermontov. The Last Year of the Poet's Life. St.-Peterburg. Vita Nova Publ. 2014. 554, [2] p., XXXII with color ills.
21. The Problems of Lermontov's Biography: Scientific Journal of Publications. Moscow; Voronezh. 2006. No 1. 304 p.
22. The Problems of Lermontov's Biography: Scientific Journal of Publications. Moscow; Voronezh. 2007. No 2. 294 p.
23. Gerstein E.G. (1986) The Fate of Lermontov. 2nd ed., rev. and ext. Moscow. Khudozhestvennaya Literatura Publ. 351 p.
24. Radyshevsky D. A New Version of Lermontov Death. *Moscow News*. 1995. February 5–12, p. 12; Robustova E.V. The Reason for the Duel, or an Excuse to Murder: a Review of the Circumstances of the Death of Lermontov. In: Lermontov's Heritage in the Self-Consciousness of the 21st century. Penza. 2004, pp. 131–134.
25. Ochman A.V. (2006) Between Two Fires: The Tragedy Near Mashuk. Pyatigorsk. Sot-spechat' Publ. 222 p.
26. Literatura v Shkole. 1958. No 3, pp. 94–95.
27. Sollogub V.A. Long Short Stories. Memories. Leningrad. Khudozhestvennaya Literatura Publ. 1988. 719 p.
28. Russkaya Starina. 1879. No 3, pp. 525–530.
29. Russkaya Starina. 1896. No 2, p. 316.
30. Belichenko Yu.N. (2001) Lermontov's Lethe: Documentary Narrative on the Great Poet's Biography, Mysteries and Dark Places. Moscow. 352 p.
31. Khvostova (Sushkova) E.A. Notes. 1812–1841: Materials for Biography of Lermontov, with significant additions and applications in comparison with the 1st ed., printed in «Vestnik Evropy» in 1869. 2nd ed. St.-Peterburg. 1870 [on the cover]. XVI, 259 p.; 20.
32. M.Yu. Lermontov. The Complete Set of Memoirs of Contemporaries: [The Complete Set of Evidences about M.Yu. Lermontov in Memoirs, Documents and Letters of Contemporaries]: In 2 vols. / [Ed. D.A. Alekseeva]. Vol. 2. Moscow. 2015. 495 p.
33. Jelets Yu.L. History of the Lifeguards of the Grodno Hussars' Regiment. 1824–1896: In 2 vols. Vol. 1. St.-Peterburg. 1890. 514 p.
34. Russky Arkhiv. 1872. No 1, pp. 205–2013.
35. Scientific Proceedings of the North Ossetian State Pedagogical Institute. Vol. II(XV). Issue 1. Ordzhonikidze. 1940.

36. Lermontov M.Yu. The Works Set in Order and Supplemented by S.S. Dudyshkin. Vol. 2. St.-Peterburg. 1860, pp. V–XXII.

37. Mysteries of the Death of Lermontov: The Reader of Versions / Comp. by D.A. Alekseev. Moscow. Flinta Publ. 2004. 335 p.

38. Shchegolev P.E. (1999) Lermontov: Memories. Letters. diaries... . Moscow. Agraf Publ. 525 p.

Сведения об авторе:

Ольга Валентиновна Миллер,
ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом).

Автор и составитель библиографических пособий,
учитывающих всю литературу о М.Ю. Лермонтове,
изданную в нашей стране и за рубежом с 1825 по 2001 г.

Автор статей в области лермонтоведения.

Член редакционной коллегии «Лермонтовской энциклопедии» и
редакционного совета «Лермонтовских чтений» в Санкт-Петербурге.

Olga V. Miller,

The Russian Literature Institute, RAS
(the Pushkin House) in St. Petersburg,

the author and compiler of bibliographical
reference books taking into account the entire literature
on Lermontov published in Russia and abroad
from 1825 to 2001.

She has published articles in the field of Lermontov studies.

Ms. Miller is a member of the Editorial Board of the Lermontov Encyclopedia
and the Lermontov Readings in St. Petersburg.